

05
У-68

85/11

Урал

ISSN 0130-5409

Урал

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Союза писателей РСФСР, Свердловская,
Пермская, Челябинская, Тюменская,
Оренбургская, Курганская, Башкирская,
Удмуртская писательские организации.
Основан в 1958 году.
№ 11, ноябрь, 1985.

СОДЕРЖАНИЕ

- ПРОЗА** Сергей Сиротин. Дальняя пристань 11
Григорий Медведев. Притирка 60
Климентий Борисов. Русак 65
Павел Шестаков. Тулик. Окончание 80
- ПОЭЗИЯ** Иван Перепеляк. Океан огня 3
- ОЧЕРК
И ПУБЛИЦИСТИКА** Галина Федорова. Душа обязана трудиться 117
Александр Абрамов. Когда не сработал парашют... 122
Яков Резник. «Созданный для огневых дел» 126
Владимир Плющев. Военные годы Кургансельмаша 130
Марсель Гафуров. Помнит село Кушнаренково... 134
Николай Новый. Живы и в памяти, и в делах 142
Анатолий Омельчук. Севером плененный 148
Д. Черашняя. «Сказать жизни — да» 158
Святослав Воинов. Пермская Словяна 161
Мурат Рахимкулов. Неосуществленный фильм о Салавате 165
М. Клипиницер. Оренбургская поездка Пушкина
и «Медный всадник» 168
- КРИТИКА
И БИБЛИОГРАФИЯ** Маргарита Ломунова. «Миру не отказывая в доверье» 171
Виктор Юхт. Добрый и беспощадный 179
Николай Мисюров. «Значит, в мире оставил я след...» 183
В. Веселов. «Чтобы спелось то, что полилось...» 184
Из новых книг 186
- ЮМОР И САТИРА** Александр Дудолодов. Разные вещи 188
Виктор Верижников. Авторитет 188
Марк Шварц. Заявление 189
Семен Нестеров. Книга жалоб и предложений 189
Андрей Ромашов. Басни 190
А. Чудинов. Pamфлет 192

Свердловск
Средне-Уральское
книжное издательство

© Урал, 1985
Свердловская областная
библиотека
И. М. ... уральской

№ 101 985
12

ведущего литературно-сценарным отделом Аршаруни. За его подписью в Главный репертуарный комитет было направлено отложение следующего содержания:

«Сценарий «Салават» написан сценаристом Г. Гребнером после детального изучения материалов о повстанческом движении у башкир в XVIII веке. Материалы, главным образом архивные, были даны сценаристу Испарткомом и Центрархивом Советской Башкирии.

Башкирская партийная организация настоятельно высказывается за постановку этого фильма. Либретто было зачитано в Уфе перед Башпартактивом и одобрено.

Содержание сценария:

Сценарий «Салават» воспроизводит эпоху пугачевского восстания, вскрывая в социально-политическом разрезе участие башкир в этом восстании.

Основная фигура — Салават, — ставшая легендарной личностью у башкир, выявлена на фоне пугачевского восстания, как национальный крестьянский герой, возглавлявший бедняцкие массы в их борьбе с царским правительством. Сценарий иллюстрирует рядом эпизодов огромную роль башкир в пугачевщине, которая приняла столь широкие размеры благодаря восстанию, возглавлявшемуся Салаватом».

Одновременно с Аршаруни, 1 июня 1930 года, от имени Востоккино Г. Гребнер также обратился в Главрепертком с просьбой о разрешении постановки фильма «Салават». На вопросы, имеющиеся на отпечатанном типографским способом бланке-заявлении, даны краткие ответы, как то: название фильма — «Салават»; жанр — революционная эпопея; период — дореволюционный; частей — семь и т. п.

В фонде Г. Гребнера сохранился и текст сценария «Салават». Он довольно объемистый — 85 страниц (листов) машинописи, первый экземпляр. Сценарий состоит из семи частей и эпизода, первая часть одновременно является и прологом. Пролог отражает события 1739 года, во второй части — детство Салавата, в третьей — юность героя, в четвертой — начало мятежа (осень 1773 года), основные события разворачиваются в пятой — седьмой частях, эпизод — зима 1774 года, поимка Салавата...

Ведущих действующих лиц пять: Салават; его отец Юлай; Алдар-батыр — полуисторическая, полULEГЕНДАРНАЯ личность, мститель-одиночка, друг детства Юлая; Хабиб — младшая жена Юлая; Айсулу — жена Салавата, лет 17—18. Второстепенных тоже пять: Халиджа — мать Салавата, лет 50, старшая жена Юлая; Бураша — дед Айсулу, участник многих восстаний; Пугачев Емельян Иванович; Хайри — брат Хабиб; Рысабай — отец Хайри и Хабиб. Некоторым действующим лицам, в частности Юлаю, даны подробные характеристики-описания.

Как видно из сценария, трактовка образа Салавата во многом идентична с современной; автору удалось воссоздать яркую, героическую личность вождя народных масс. И вообще над сценарием

была проведена очень большая, кропотливая работа. Фильм ждали в Башкирии...

Почему же не была осуществлена постановка фильма?

Ответ на этот вопрос дал сам автор сценария. Среди многочисленных материалов личного фонда Г. Гребнера сохранился следующий документ (привожу его полностью):

«Салават Юлаев». Этот сценарий написан в 1929—1930 годах, то есть лет за 12 до одноименного романа писателя Злобина. Сценарий был хорошей, всеми одобрен, но начало постановки затянулось, а постановка не состоялась, как не состоялось тогда многие постановки, потому что наступила эпоха звукового кино. (А заодно я поссорился с Востоккино, что не имеет прямого отношения к делу.)

06.12.52. Гребнер».

Как видно из этого документа, Г. Гребнер, очевидно, был знаком только со вторым вариантом романа Степана Злобина «Салават Юлаев», который вышел в свет в 1941 году (напомню: в первой редакции роман был издан еще в 1930 году).

Итак, еще в самом начале 1930-х годов мог появиться на экранах страны кинофильм о Салавате Юлаеве. Однако появился он, уже звуковой, лишь через 10 лет, в начале 1941 года. Фильм «Салават Юлаев» по сценарию Степана Злобина и Галины Спесак поставил режиссер Я. А. Протазанов. Фильм успешно демонстрировался во многих городах Советского Союза. В годы Великой Отечественной войны он вдохновлял советских воинов на ратные подвиги. Роли в фильме исполняли М. Болдуман, Н. Крючков, ведущие деятели башкирского искусства Арслан Мубаряков, Гималетдин Мингажев, Амин Зубаиров, Рим Сыртланов...

Вот о чем рассказали пожелтевшие страницы архивных документов.

М. Клипиницер

ОРЕНБУРГСКАЯ ПОЕЗДКА ПУШКИНА И «МЕДНЫЙ ВСАДНИК»

Давно укоренилось мнение, что оренбургская поездка Пушкина принесла русской литературе два произведения: исследование «История Пугачева» и повесть «Капитанская дочка». Однако обращение к деталям поездки поэта и изучение ряда литературных и исторических источников позволяет предположить, что путешественник способствовал работе Пушкина и еще над одним его произведением — поэмой «Медный всадник». Попробуем суммировать эти факты.

Накопление материалов к поэме шло долгие годы. Это и «наблюдения», почерпнутые из самых различных источников — жур-

нальных статей, книг, писем, — описывавших страшное и разрушительное наводнение 1824 года, и размышления об отношениях государства и личности, и споры с польским поэтом Адамом Мицкевичем, который осуждал деятельность Петра I как негуманную и тираническую...

Если русский поэт, при всех противоречивых качествах Петра, видел главное в его созидательной деятельности, называл его «могучим властелином судьбы» и восторгался: «какая дума на челе, какая сила в нем сокрыта!», а новой столицей восхищенно любовался, то Адам Мицкевич писал о рождении Петербурга, что «царь по развалинам путь пролагал, что «на радость холопам царя лились наших слез, нашей кровью моря» и что если Венеция богами создава, то «Петербург построил сатана».

Думая о петровской теме, Пушкин изо дня в день, из года в год откладывал эту работу, чувствуя всю ее огромность, словно набирался сил, ожидая той счастливой минуты, когда перо потянется к бумаге. А перо поэта пока было отточено для «Истории Пугачева» и «Капитанской дочки» — за плечами были и архивные разыскания, и набросок начала повести. Не хватало личных впечатлений.

Так осенью 1833 года состоялась поездка на Волгу и Урал — в Казань и Оренбург. Она оказалась удачной, позволила Пушкину поверить «мертвые документы словами еще живых очевидцев», проникнуть в обстановку и атмосферу, в которой жил и действовал Пугачев.

Но на протяжении всего путешествия многое обращало Пушкина к мысли о будущей поэме.

20 августа 1833 года поэт пишет жене из Торжка: «...Ты помнишь, что от тебя уехал в самую бурю. Приключения мои начались у Троицкого моста. Невя так была высока, что мост стоял дыбом... По счастью, ветер и дождь гнали меня в спину. Что-то было с вами, петербургскими жителями? Не было ли у вас нового наводнения?»

Юрий Боров в своем труде о «Медном всаднике», говоря об аллегорическом начале в поэме, замечает, что хотя «стихия потопа не есть тождество народного бунта, но вместе с ним точки схождения, известное аллегорическое значение... Наводнение действительно схоже с народным возмущением...» Беседы и думы о Пугачеве, несомненно, перекликались с темой «Медного всадника».

В Оренбурге Пушкин поделился своими мыслями и планами с Далем. Сказал, что у него уже начато три романа, что он никак не соберется взяться за петровскую тему: «Я еще не мог доселе постичь и объять вдруг умом этого исполина: он слишком огромен для нас, близоруких, и мы стоим еще к нему близко — надо отодвинуться на два века, — но постигаю это чувством».

И хотя в своих воспоминаниях Даль не уточняет, по какому руслу развивалась эта беседа, по мнению оренбургского историка Д. Н. Соколова (1867—1919), автора рабо-

ты о пребывании Пушкина в Оренбурге (издана в Петербурге в 1916 году), — петровская тема в той беседе Пушкина и Даля была продолжена.

Д. Н. Соколов пишет в своей книге о том, что Даль, которому поэт высказал свои мысли о Петре Великом, мог знать от поляков, сосланных в Оренбург, и в их числе от известного друга Мицкевича Фомы Зана, о новых стихах польского поэта, касающихся русского царя. Поляки в Оренбурге, как люди светские и образованные, пользовались симпатиями местного культурного общества и были везде приняты. Даль, по предположениям Соколова, мог «достать Пушкину на время рукописный или печатный экземпляр...» стихов Мицкевича. А то, что сельские поляки имели эти стихи, с полной очевидностью выяснилось уже в конце 1833 года, когда до оренбургских властей дошла сведения о заговоре и была произведена и обыски, и аресты. При этом нашлись рукописные тетради со стихами на польском языке. Этот факт Д. Н. Соколов приводит со ссылкой на секретное дело из Архива Оренбургской ученой комиссии.

«Польская версия» была упомянута также оренбургским литературоведом Н. Е. Пряниниковым в его работе «Писатели-классики в Оренбургском крае» (1946). Автор отнес ее к разряду дискуссионных, хотя никому из русских и советских филологов, занятых темой «Медного всадника», предположения Д. Н. Соколова не послужили материалом для дискуссии.

К петровской теме, возникшей в беседе Пушкина с Далем, поэт был подготовлен и книгой, сопровождавшей его в оренбургской поездке. В июле 1833 года Александр Сергеевич стал обладателем парижского издания поэмы Мицкевича «Дзиды» со стихами-фрагментами «Олешкевич» и «Памятник Петра Великого». Эту книгу привез из-за границы и подарил поэту С. А. Соболевский. Насколько большое впечатление произвели на Пушкина стихи польского поэта, видно из того, что, взяв книгу Мицкевича с собой в Оренбург, он не ограничился простым чтением, а целиком скопировал польский текст стихотворения «Олешкевич» в своей рабочей тетради, а затем полностью переписал стихотворение «Русским друзьям» и половину стихотворения «Памятник Петра Великого» (31 строку из 66).

Таким образом, известные Пушкину стихи Мицкевича, а также оренбургская беседа с Далем обострили решимость и ускорили начало работы поэта над «Медным всадником». Д. Н. Соколов так объясняет причину преодоления Пушкиным «робости» перед петровской темой: «Причина ясна, — пишет он. — Пушкин не желал оставить без ответа стихотворение Мицкевича, в котором взгляды Пушкина на Петра Великого и на судьбу России были изображены совершенно прератно». (Речь идет о стихотворении «Памятник Петра Великого».)

В самом деле, изображая себя и Пушкина стоящими возле памятника, Мицкевич вкладывает в уста Пушкина такую харак-

теристику Петра: «...царь-кнутодержец в тоге римлянина... Нет, Марк Аврелий в Риме не таков, народа друг, любимец легионов». «Между тем,— пишет Соколов,— мог ли Пушкин описывать памятник Марку Аврелию, никогда его не видев? «Я вижу здесь центр тяжести поэмы... На стихотворение знаменитого польского поэта ответ мог быть дан только в такой художественной форме».

Подтверждением тому может служить и полемический элемент, который явно присутствует не только в содержании, но и в форме, в стилистике поэмы. Целый ряд мотивов из «Олешкевича» был полемически, с обратным значением введен Пушкиным в его поэму. Об этом «обратном значении» в свое время говорилось в статье «Мицкевич и Пушкин» профессора Краковского университета Иосифа Третьяка, который приводит ряд параллельных мест, где Пушкин на сатирические описания Петербурга у Мицкевича отвечает «любл»ю, описывая то же самое, но уже по-своему: «Любл»ю тебя, Петра творенье», «Любл»ю зимы твоей жестокой недвижный воздух и мороз», «любл»ю, военная столица, твоей твердыни дым и гром».

Оренбургские впечатления Пушкина отразились и в языке «Медного всадника». Как признавался Даль, Пушкин с одобрением отнесся к его мнению о необходимости всемерно демократизировать русский язык и приблизить его к русской народной речи. Таких «приближений» немало в «Медном всаднике». Многие иностранные слова заменены в поэме русскими, причем взятыми у Даля: «прозвань» вместо «фамилия», «медная шапка» вместо «каска», «пятое

жил» вместо «пятый этаж» и т. д. Петербург везде русифицирован: Петра творенье, град Петров, Петроград, или взята даже греческая форма Петрополь, лишь бы не немецкая. «Медный всадник» — прямое подтверждение ниспровержения Пушкиным старых литературно-языковых канонов и защиты литературных прав народной речи.

Нельзя не вспомнить ироническое замечание Пушкина по поводу описания Мицкевичем наводнения: «Наше описание вернее, хотя в нем нет ярких красок польского поэта». Это замечание, считает Соколов, указывает на то, что «стремление к простоте в языке и описаниях приведено в поэме с особой тщательностью также в антитезу Мицкевичу».

Оренбургские впечатления и встречи, стихи, прочитанные здесь, отголоски спора с Мицкевичем явились определенным «толчком» и как бы «переполнили чашу». Этим следует, наверное, объяснить тот факт, что почти сразу же, по «горячим следам», по возвращении в Болдино (1 октября), едва передохнув с дороги и несколько дней поработав над «Историей Пугачева», Пушкин 6 октября с редкой увлеченностью и предельной тщательностью и требовательностью приступает к работе над поэмой и заканчивает эту работу 30 октября.

Речь, конечно, не идет о том, что, не будь оренбургской поездки, не был бы написан «Медный всадник». Но пафос поэмы благодаря путешествию поэта значительно усилился. Постыжение петровской темы чувством, о чем говорил поэт в Оренбурге Далию, обогатило русскую и мировую поэзию произведением огромного прозрения и непрезойденной художественной силы.